

* * *

Мертвые голуби в дом не стучат.
Спящие пчелы мед не приносят.
Мы, вырастающие из девчат
В осень,
Двери откроем листву замести,
Мох пришептать и ворон убаюкать —
Я посчитаю им до десяти —
Ну-ка!

В этом краю заколдованных бед,
Женских, протяжных,
проветренных песен
Нету смертей и прозрения нет,
Хлеб на столе пресен.

Там, на другой половине Земли,
Смертные всадники бьются лучами.
Кажется, были мы вместе вначале,
Ну, а потом не смогли...
Ну, а потом, наконец, разошлось
Чёрное с белым, и прочие дали.
Как горячо мы других забывали!
Но в забытье не спалось...

Как бы не стать нам обратно людьми,
Чтобы любовь не просилась наружу!
Лёгкая дудочка, пчел не буди,
Пусть засыхают их лёгкие души.

* * *

Когда я поняла, что не умру —
Вот так, по-детски, от непониманья,
Как тлен растёт внутри воспоминанья
И костенеет ночью на ветру,

Когда я поняла, что не умру,
В любви, поскольку в ней
одно бессмертье,
И ты летишь, как весточка в конверте,
Как свет к окошку к самому утру,

Когда я поняла, что не умру
От жара и кровопотока строчек,
О свой неровный спотыкаясь почерк,
Сшивая в строфы разную муру,

Когда я поняла, что не умру
В палате, отрезвляющей от рая,
И где звенит — по ком, не разбирая —
Не колокол, а швабра по ведру,

И со своим бессмертием вдвоем
Когда я поняла — и жизнь зависла, —
Нельзя сказать,
что мир прибавил смысла
В животворящем хаосе своем.

* * *

Молоком горьковатое слово запить,
Чтобы вдох был по-прежнему светел.
Глубина, на которой нельзя разлюбить,
Всё прощает, заметил?

Через медленный сад, где гудит чернозем,
А листва говорит еле слышно,
Мы идём, будто мы никогда не умрём,
Собирать перезрелую вишню.

Что делить нам с тобою на этой Земле?
Нам и так-то по темечку било:
Не остаться в гордыне, в обиде, во зле.
А иначе — зачем это было?..

* * *

В прошлой жизни, ты помнишь, я была воином.
И когда мне башку проломили копьём,
То река из дыры понеслась так упрямо и вольно,
Что собою пробила Великий каньон.

И когда мне потом возвращаться пришлось
в темноту родового припадка,
Прикрывая ладошкой в слепой голове незаросший пролом,
Разве знала она, из советских сестер повивальная бабка,
Как закрыть
то, во что ей не верилось
в будущем светлом своём.

На младенческой лысой моей голове оставались родимые пятна,
А потом выросли забвение, волосы, лён.
Но когда я стою на ветру,
то он дует всё время обратно,
Прогоняя коней по хребтам беспокойных времён.

Отражай белый свет, останавливай
в воздухе камень.
Как пружинит земля, будто вздыбленные стремена.
Через брешь в голове до сих пор
фиолетовый дождь протекает
И сочится по радуге, чтоб не увяла она.

* * *

Ненастный свет. Прощеная вода.
Я между навсегда и никогда.
Ты между смертью и ее повтором.
На реверсе, на вечном колесе
Мы выживаем, кажется, не все.
...Я прилечу к тебе на самом скором —

На световом, — а он так невесом,
Что мне самой останется, как сон,
Не воплощаться, а висеть на грани,

На грани между вечным и живым,
Где Бог в окне смирен и недвижим,
Как подорожник, прикипевший к ране.

* * *

На бельевой верёвке за окном
Спят капли, пропустившие минуту,
Когда зима прошла сквозь этот дом,
А нас не разбудила почему-то.

И в этом сне мы долго не умрем.
Пусть мы не знаем, — мы и так не знали! —
Что происходит в воздухе сыром,
Пугливым, как забытый звук в рояле.

Лишь паучок скребёт у потолка,
Мы часть его пейзажа — ну и что же?
И выпускает спящая рука
Ключи от городка, куда мы вхожи.

И падают они сквозь ветхий пол,
И город исчезает постепенно.
И всё, что в нем томилось до сих пор,
Исчезло и растаяло, как пена.

И только снег очнулся и пошел,
Сугробами пустыми громоухая.
Прости меня, что нам нехорошо.
Что жизнь длинна, как музыка плохая.

* * *

Как долго мы бодем, точно снег
Летит вовнутрь, не замечая кожи.
И на углях пугливой нашей дрожи
Он тает в нас и каплет из-под век.

И мы зовём, разинув в небо рты,
Кого-то, чтобы жить бесповоротней.
И в нас ещё так много пустоты.
И снег в нее летит, как в подворотню.

* * *

Хорошо
гореть
бессонницей молодой,
Когда понял всё,
не вопрошая дважды.
Боже, я не могу
напиться твоей водой.
После крови твоей
вода не сбивает жажды.

Хорошо
притихшей скрипкой
дышать в чехле
за твоим плечом,
от жизни тебя врачуя.
Боже, я не могу
вкусить твой горячий хлеб.
После плоти твоей
я вкуса его не чую.

Хорошо
в прихожей темной
на ржавый гвоздь,
чтобы болью в лоб
убить и цвета, и звуки.
Боже, я твоих слов
больше не слышу сквозь.
Только руки твои
слышу я,
только руки...

* * *

Всё, что ещё во мне не улеглось,
Печаль донезит.
Неужто жить никак, минуя злость?
Да нет же... —

Какие-то другие краски здесь
Разлиты густо.
И это постепенное «я есть!»,
Как устье...

И это прозрение туда,
Где неба много,
Где птицы требушат и провода,
И Бога.

Он их сгоняет, бешеных, — держись!
Они всё ближе.
Какая на просвет простая жизнь!
Пойми же...

* * *

Доходя до прозрачности,
Воздух находит предел
Состояния, где ни спешить,
Ни теряться не надо.
Ты стоишь в ослепительной точке
Огромного сада:
Это света прибавилось
Или же сад поредел?

Доходя до прозрачности,
Речь опускает на дно
Прошлогодную траву,
И камни, и лодку, и остров.
Остаются такие слова,
За которые просто
Полюбить и простить,
Но остаться собой заодно.

И стоит небывалая синь
На земле, на реке.
И летит в измеренье другое
Последняя мошка.
Доходя до прозрачности,
Память оставит немножко.
Чтобы было смешно и свободно
Ходить налегке.